

Marc Chagall

Лилике
на пам'ять

с Мазковской и
Щагини

Леонид Фридович Кацис, филолог. Родился в 1958 году. Круг научных интересов: русская литература и философия второй половины XIX–XX вв.; теоретические и практические проблемы истории литературы и структурного анализа текста; иудейско-христианские и русско-еврейские контакты; психология художественного творчества.

Л. Ф. КАЦИС

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ
ПОЭТ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ
КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2000

ББК 83.3(2Рос=Рус)6
К 12

Настоящее исследование выполнено по программам:

Research Support Scheme of the Central European University N1180/94
«Поэзия Владимира Маяковского в контексте русской религиозной философии.
Феноменологическое исследование»

Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation N472/1998
«Русская пост-Октябрьская революционная поэзия и немецкий революционный
экспрессионизм. Сравнительное исследование»

Кацис Л. Ф.

К 12 Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. –
М.: Языки русской культуры, 2000. – 776 с.: ил.

ISBN 5-88766-039-2

Монография является целостным описанием творческого пути поэта в сложных взаимодействиях как с русской классической литературой, так и с литературой авангарда; как с русской религиозной философией, так и с советским идеологическим контекстом. Творчество Маяковского рассматривается как важнейший и закономерный элемент развития русской культуры 1900–1930-х годов.

Автор стремится говорить о поэте без политических, литературных, идеологических и прочих предпочтений и оттачиваний.

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

© Л. Ф. Кацис, 2000

© Magnum, G. Pinkhassov. Фото автора.

ISBN 5-88766-039-2

9 785887 660394 >

Посвящается
Ларисе Наумовне Лившиц

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	11
-------------------	----

Книга 1

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Раздел I

1.1.1. Розанов. Анненский. Маяковский (<i>«Я люблю смотреть, как умирают дети...»</i>). Дискуссия между В. Розановым и Н. Бердяевым <i>«Об Иисусе сладчайшем»</i> как источник стихотворения Маяковского)	23
1.1.2. Гейне. Анненский. Маяковский (Цикл <i>«Я»</i> и <i>«Книги отражений»</i>)	30
1.1.3. Гейне. Розанов. Маяковский (<i>«Флейта-позвоночник»</i> . <i>«Семейный вопрос в России»</i> В. Розанова. Розановский комментарий к стихам Г. Гейне <i>«Царица Шабас»</i> как основа <i>«собачьих стихов»</i> Маяковского: <i>«Ничего не понимают»</i> и <i>«Вот так я сделался собакой»</i> . Семантические основы графического цикла Марка Шагала <i>«Маяковскому — Шагала»</i>)	40
1.1.4. Розанов. Чуковский. Маяковский (<i>«Поэт-анархист Уот Уитман»</i> и поэзия Маяковского. Переводы и статьи К. Чуковского об Уитмене как основа образности раннего Маяковского. Следы образности Уитмена в поздних стихах Маяковского)	56
1.1.5. Розанов. Блок. Маяковский (<i>«Роза и Крест»</i> , <i>«собачий цикл»</i> Маяковского, перевод Р. Якобсоном <i>«Ничего не понимают»</i> на старославянский и реформа орфографии)	65
1.1.6. Розанов. Маяковский (<i>«Облако в штанах»</i>)	81

Раздел II

1.2.1. Философов. Ховин. Достоевский (<i>«Капля дегтя»</i>)	95
1.2.2. Маяковский. Достоевский. Ховин (<i>«Вам!»</i> . Достоевский как <i>«подтекст»</i> футуристического поведения Маяковского)	106
1.2.3. Северянин. Ховин. Маяковский (<i>«Очарованный странник»</i> В. Ховина и история русского футуризма. Статьи В. Ховина о Розанове)	114

- 1.2.4. **Ховин. Философов. Блок** (*Футуристы и Блок в «Стрельце». Д. Философов о футуризме и «Бесы» Ф. Достоевского. «Подпольный человек» Достоевского и Маяковский*)..... 122
- 1.2.5. **Ховин. Евреинов. Маяковский** (*«Театр как таковой» Н. Евреинова в «Очарованном страннике»*) 130
- 1.2.6. **Ховин. Розанов. Шкловский** (*«Сюжет как явление стиля. В.В. Розанов» В. Шкловского и «Книжный угол» В. Ховина*)..... 132
- 1.2.7. **Ховин** (*«В.В. Розанов и Владимир Маяковский»*)..... 138

Раздел III

- 1.3.1. **Достоевский. Розанов. Маяковский** (*«Про это». «Про это» и Ф. Достоевский в исследованиях и мемуарах Л. Брик, Н. Асеева, Р. Якобсона, В. Шкловского, К. Тарановского и др. «О древнеегипетской красоте» и «Семейный вопрос в России» Розанова как основа «Достоевского» у Маяковского. «О древнеегипетской красоте» и «Прощение на ИМЯ...» в «Про это»*) 155
- 1.3.2. **Шкловский. Розанов. Родченко** (*Фотомонтажи к «Про это». Иллюстрации А. Родченко к «Про это» и фотографии к книгам Розанова «Опавшие листья». Розанов. Достоевский и фотография*) 191
- 1.3.3. **Шкловский. Карсавин. Хлебников** 209
- 1.3.4. **Карсавин. Розанов. Достоевский** (*«Клоп»*)..... 216
- 1.3.5. **Розанов. Малевич. Маяковский** (*«Баня», «Хорошо!» . Л. Карсавин, В. Хлебников и русский футуризм. Переписка В. Розанова и Э. Голлербаха в поздних текстах Маяковского. Малевич и Бельведонский*) 227
- 1.3.6. **А.К. Толстой. Розанов. Карсавин** (*«Хорошо!» и «Сон Панова»*) .. 234
- 1.3.7. **Троцкий. Розанов. Маяковский** (*«Клоп», «Баня», «Слегка нахальные стихи товарищам из Эмкахи»; «Я знаю силу слов...» и дискуссия 1907 г. «Об Иисусе сладчайшем». «Семейный вопрос в России» и «Семейный вопрос в Советской России» в статьях Троцкого и пьесах Маяковского*) 241

Книга 2

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЫ 20-х ГОДОВ XX ВЕКА

Раздел I

- 2.1.1. **Чуковский. Сельвинский. Митрейкин** (*«Кудреватые митрейки», «мудреватые кудрейки». М. Кузмин и Саша Черный в поэтической полемике конца 20-х годов. Конструктивисты в «Во весь голос»*) 271
- 2.1.2. **Митрейкин. Шершеневич. Сельвинский** (*«Во весь голос». Поэт-ассенизатор у Маяковского и вокруг. История образа. Философов. Чуковский. Розанов и «ассенизационные» образы в русской литературе первой трети XX в. Образ «ассенизатора в*

- полюемике «имажинисты—футуристы» и его развитие в полюемике «конструктивисты—ЛЕФ» и в «Пушторге») 280
- 2.1.3. Кузмин. Сельвинский. Маяковский («Во весь голос») 288
- 2.1.4. Байрон. Саути. Маяковский («Во весь голос». Байронизм и романтизм русского футуризма. Байронизм и футуризм в изображении И. Сельвинского в «Записках поэта» и в «Пушторге». «Дон-Жуан» Байрона как образец полюемике в «Пушторге» И. Сельвинского. И. Сельвинский — «советский Байрон». Маяковский — «советский Роберт Саути» в полюемике «конструктивисты—ЛЕФ». Желтая кофта Маяковского и Роберт Саути) .. 297
- 2.1.5. Кудрейко. Сельвинский. Саша Черный («Лиличка. Вместо письма», «Во весь голос») 310
- 2.1.6. Сельвинский. Байрон. Брик («Во весь голос», «Про это», «Товарищу Нетте...») 318

Раздел II

- 2.2.1. Маяковский. Эренбург. Полонский (Польские стихи, «Версаль», «Поверх Варшавы», «Леф или блеф?». Маяковский и Польша. Маяковский и Эренбург в Варшаве в 1927 г. Варшавские тексты Маяковского) 341
- 2.2.2. Якобсон. Грубецкой. Зелинский (ЛЕФ и евразийские идеи. Сельвинский в «Пушторге» о евразийстве ЛЕФа. Сценарий О. Брика «Потомок Чингисхана», евразийские образы в полюемике с «Пушторгом». Раскол в газете «Евразия», приветствие М. Цветаевой Маяковскому) 360
- 2.2.3. Пастернак. Шопен. Маяковский 381
- 2.2.4. Пастернак. Сельвинский. Маяковский 386
- 2.2.5. Шопен. Пастернак. Маяковский (2-я ред. «Баллады» («Бывает курьером на борзом...»)) 398
- 2.2.6. Скрябин. Пастернак. Маяковский (1-я ред. «Баллады» («Бывает курьером на борзом...»). Польша и «Баллада» Б. Пастернака «Бывает курьером на борзом...» в «Пушторге» И. Сельвинского. «Поверх барьеров» Б. Пастернака и «Поверх Варшавы» В. Маяковского. I. Редакция «Баллады» 1916 г. — Пастернак и Маяковский в 1916 г. II. Редакция «Баллады» 1928 г. — предупреждение Маяковского о возможном самоубийстве. «Шопен» Б. Пастернака как итог размышлений «Баллады» о жизни и смерти поэта на опыте Маяковского) 407
- 2.2.7. Маяковский. Пастернак. Мандельштам (Маяковский в «Охранной грамоте», «Путешествии в Армению», «Втором рождении») 416

Раздел III

- 2.3.1. Эренбург. Сельвинский. Маяковский 433
- 2.3.2. Эренбург. Пастернак. Маяковский (Надпись Пастернака Маяковскому на книге «Сестра моя — жизнь») 441

2.3.3. Сельвинский. Эренбург. Пастернак («Про Клима из черноземных мест, Всероссийскую выставку и Резинотрест» Маяковского и стихи Пастернака на смерть Маяковского. Стихотворение Б. Пастернака «Другу»)	455
2.3.4. Хлебников. Чуковский. Сельвинский («Две Москвы», «Автобусом по Москве»)	472
2.3.5. Эренбург. Моран. Ясенский («Радио-Май» Маяковского—Брика, «Я жгу Москву» П. Морана, «Я жгу Париж» Б. Ясенского, Б. Ясенский, А. Аверченко и др. в «Стихах о советском паспорте»)	481
2.3.6. Ясенский. Эренбург. Маяковский («Стихи о советском паспорте», «Я жгу Париж» Б. Ясенского, «Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца»)	511
2.3.7. Маяковский. Эренбург. Моран («Трест Д. Е.» И. Эренбурга как пародия на Маяковского. Рассказ П. Морана «Я жгу Москву» — пародия французского писателя на Маяковского, Брика и круг ЛЕФа. «Рвач» И. Эренбурга как основа рассказа П. Морана, «Я жгу Париж» Б. Ясенского — ответ И. Эренбургу и П. Морану. «Бурная жизнь Лазика Ройтшванеца» И. Эренбурга — ответ Эренбурга П. Морану. «Москва горит» Маяковского—Брика — посмертный ответ П. Морану. «Книга для взрослых» И. Эренбурга как подведение итогов жизни с Маяковским в 1936 г.)	522
2.3.8. Эренбург. Ясенский. Сельвинский	528
2.3.9. Адуев. Козырев. Маяковский (Повесть в стихах «Товарищ Ардатов» Н. Адуева — конструктивистский памфлет, направленный против ЛЕФа, Эренбурга, Пастернака. «Товарищ Ардатов» Н. Адуева и «Ленинград» Михаила Козырева. «Ленинград» и «Москва горит»)	534
2.3.10. Булгаков. Адуев. Маяковский (Сборник Литературного центра конструктивистов «Бизнес». Стихи Н. Адуева «Маяковскому, до востребования», отрывок из «Товарищ Ардатов» и «Товарищ Верн» в «Бизнесе». «Товарищ Верн» и «Багровый остров» М. Булгакова. «Маяковский» слой полемики. «Собачья сердце» М. Булгакова, «Флейта-позвоночник» и «Про это». Стихотворение М. Булгакова о похоронах Маяковского)	562

Книга 3

СМЕРТЬ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО И ОБРАЗ ПОЭТА В ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХХ ВЕКА

Раздел I

3.1.1. Маяковский. Сельвинский. Крученых («Пушторг» и «Ирониада»)	585
--	-----

3.1.2. Розанов. Вольтинский. Крученых (Пародия в «Пушторге» на текст А. Крученых «О женской красоте». В. Розанов и А. Вольтинский в тексте А. Крученых «О женской красоте» (1920). «Любовное приключение Маяковского» (1918) А. Крученых).....	604
3.1.3. Маяковский. Введенский (Смерть Маяковского в «Кругом возможно Бог»)	626
3.1.4. Маяковский. Хармс. I (Смерть Маяковского в «Лапе»)	654
3.1.5. Розанов. Маяковский. Каменский (Маяковский и Розанов в «Железобетонных поэмах»)	657
3.1.6. Маяковский. Хармс. II (Смерть Маяковского в «Лапе». «Лапа» Д. Хармса как выражение достоевско-розановской линии восприятия жизни и смерти Маяковского в постфутуристических текстах. «О древнеегипетской красоте» В. Розанова и «Бобок» Ф. Достоевского в «Лапе» Д. Хармса. Оценка авангардного осмысления жизни и смерти Маяковского в кругах литературного андерграунда)	669

Раздел II

3.2.1. Буренин. Розанов. Крученых («Поросята»).....	683
3.2.2. Достоевский. Буренин. Сельвинский («Хорошо!», «Нашему юношеству»).....	701
3.2.3. Достоевский. Адуев. Маяковский.....	724
3.2.4. Сельвинский. Маяковский. Арго (Полемика вокруг смерти Маяковского в официальной литературе. Сборник «Маяковскому» В. Саянова, М. Брауна, А. Прокофьева. Футуристический подтекст этой полемики. «Поросята» А. Крученых (1913) как полемика с В. Розановым и В. Бурениным. Полемика Достоевский—Добролюбов—Салтыков-Щедрин как подтекст полемики вокруг Маяковского в конце 20-х годов. Образы публицистики Достоевского в стенах Маяковского эпохи «Хорошо!»; Конструктивисты о смерти Маяковского. «На смерть Маяковского» и «Декларация прав поэта» И. Сельвинского как ответ на «Во весь голос». Декабрь 1935 г. — конец литературной эпохи живого Маяковского. Поэма К. Митрейкина «Во весь голос». Пародия Л. Арго 1932 г. на похороны и кремацию Маяковского. Покаянные стихи Арго о «рамзинской» сути конструктивизма в его «Сатирических очерках по истории русской литературы» (1939))	730
Послесловие	751
Указатель произведений В. Маяковского	759
Именной указатель.....	763
Указатель иллюстраций	773

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как прочитать Маяковского сегодня, уже после его 100-летия, в конце уходящего XX века?

Ответ на этот вопрос не так прост.

Катаклизмы XX века настолько отодвинули от нас эпоху и творчество поэта, а его политические приоритеты и эстетические постулаты в крайних формах их выражения с такой очевидностью доказали свою несостоятельность, что адекватного прочтения Маяковского ожидать сегодня не приходится. К тому же по отношению к Маяковскому эпоха распорядилась наиболее жестоко. Конец 50-х — середина 60-х годов. — Маяковский — символ всего нового и современного, прогрессивного и свежего в культуре этого времени. Затем — пустое забалтывание его имени, создание теории «заговора» Бриков против поэта. А накануне перестройки и в самом ее начале — попытка полного уничтожения поэта, на сей раз с либерально-антисоветских позиций в фальсифицированных и малограмотных сочинениях по «воскресению Маяковского». Последний эпизод напоминает уже фрейдистское вытеснение бывшего кумира из подсознания вдруг прозревших фрондирующих шестидесятников.

Однако не надо забывать, что часто кризис в восприятии того или иного явления культуры даже не такого уж далекого времени обуславливается, помимо объективных трудностей, еще и ситуацией в науке, подходом к историко-литературному материалу.

Поэтому, прежде чем перейти непосредственно к объекту нашего исследования, мы считаем необходимым коснуться общих проблем.

В выступлении на Первых Лотмановских чтениях в РГГУ М.Л. Гаспаров говорил: «...в последние десятилетия граница между научно-объективным и творчески произвольным подходом в литературоведении стала размываться. Ю.М. Лотман начинал работу в эпоху догматического литературоведения — сейчас, наоборот, торжествует антидогматическое литературоведение, постструктурализм или деконструктивизм. Цель историка — чтение текста на фоне читательских ожиданий времени автора. Цель нового литератора — чтение на фоне собственных читательских ожиданий, то есть после последней полюбившейся книги...»

Последние два слова очень важны. Ибо еще вопрос, насколько возможен в историко-литературном исследовании примат «любви к литературе». Тем более что и само понятие литературы, и уж тем более вкусовые пристрастия исследователей сами по себе вполне подвержены исторической изменчивости даже на протяжении жизни одного и того же исследователя.

М.Л. Гаспаров продолжает: «...главный признак лотмановского анализа поэтического текста — это его научность. Стыдно, конечно, называть достоинством то, что вроде бы является саморазумеющейся предпосылкой филологической работы; но в некоторых историко-культурных ситуациях это необходимо. В истории нашей культуры 1960—1990-х годов структурализм Ю.М. Лотмана стоит между эпохой догматизма и эпохой антидогматизма, противопоставляясь им как научность двум ненаучностям».

М.Л. Гаспаров бросил своим слушателям и читателям упрек в элементарном незнании текстов Ю.М. Лотмана. Между тем слова М.Л. Гаспарова практически дословно воспроизводили то, что написал сам Ю.М. Лотман в статье под обязывающим названием «Пушкин 1999 года. Каким он будет?» (Таллинн, 1987, № 1). Там и читаем: «После-революционные годы дали ряд новых импульсов изучению Пушкина: открытие государственных архивов <...> переворот в деле издания классиков, начатый Томашевским, Эйхенбаумом и Халабаевым (все “венгровцы”), работы формальной школы, достижения лингвистики, поднимающие гуманитарные науки на новый уровень, — все это вместе привело к неслыханному расцвету пушкиноведения. Более того, пушкиноведение сделалось как бы опытным участком литературоведения в целом, его авангардом». Чуть далее Ю.М. Лотман констатирует важный для дальнейшего изложения факт: «...эстафета перешла к изучению средневековой (древнерусской) литературы и литературы XX века. Здесь создаются наиболее интересные труды, здесь отрабатываются новые методы».

По Лотману, к началу 1950-х годов сложилось убеждение, что Пушкин «весь изучен» и осталось только выводить узоры на стенах прочного и уже законченного здания. И тут начали происходить странные вещи.

Далее Ю.М. Лотман характеризует и без того известные беды эпохи «догматизма» и пишет: «Начался нынешний этап пушкиноведения — этап распутья. Естественной реакцией на догматизм конца 1940-х — начала 1950-х годов было освободить Пушкина от общепринятых концепций. <...> Стремление к дедогматизации на первых порах привело к простейшим решениям по принципу “осердившись на вшей, и шубу в печь”. Возобновилась тяга к “медленному чтению”, отказу от анализа и субъективному вычитыванию смысла из текста, “вживанию в текст”. <...> Однако исследовательская интуиция не бесконтрольное наитие: она воспитывается в ходе научного труда <...> Дилетантизм и бездоказательность эффектных утверждений создают мутные сенсации, но отодвигают науку еще дальше назад».

Итогом этого рассуждения Ю.М. Лотмана является мысль: «...Пушкин вновь ускользнул из наших ловушек, успешно обойдя даже такие новомодные из них, как «карнавальность»».

Здесь забавно вспомнить, что В. Набоков в своем комментарии к «Евгению Онегину» писал: «Пушкин, ты ловушка для меня...»

Последнее слово, употребленное Ю.М. Лотманом, дает нам возможность обратиться к ключевому вопросу создания историко-литературного дискурса. Напомним, что Ю.Н. Тынянов стремился к созданию так называемой «Теоретической истории литературы». «Карнавальность» же М.М. Бахтина — термин явно просто теоретико-литературный, такой же, впрочем, как и «внеаходимость», и «диалог». Следовательно, возникает вопрос: о какой «теоретичности» истории литературы идет речь у Тынянова? На наш взгляд, в этом смысле к «теоретической истории литературы» имеют отношение термины и категории, имеющие в принципе модус историчности. Понятно, что немалые трудности вызовет попытка написать историю «карнавальности» или «внеаходимости» в русской литературе.

Виноват ли во всем этом М.М. Бахтин? Пожалуй, нет. Он лишь воспользовался термином из чужого лексикона — «поэтика». Недаром его сегодняшние адепты уже говорят о «прозаике». В конце концов, та философская эстетика, которую строил М.М. Бахтин, имела задачи далекие, на наш взгляд, и от литературоведения, и от теории литературы в традиционном понимании вообще.

К тому же в советское время «теория литературы» была неким заменителем отсутствовавшей у советских людей как философской, так и немарксистской теоретической подготовки.

Если М.М. Бахтин, на наш взгляд, литературоведом (в сущности) и не был, то Ю.Н. Тынянов — был. Если кем он и не был, так это философом. Однако и Тынянов своей работой о поэтическом языке подобрался к самой что ни на есть границе литературоведения. Все общие теории художественной или поэтической речи — от феноменологических, неокантианских, марксистских до потебнианских — суть философские или предфилософские. Другое дело, что Ю.Н. Тынянов занимался и тем, и другим. То есть литературоведением и теорией художественной речи. Однако все попытки сформулировать те самые теоретические принципы истории литературы оканчивались лишь общими замечаниями, порой уникально глубокими, как в статье «О литературной эволюции».

Как бы то ни было, сами формалисты истории не создали. Причины этого (как личные, так и политические) нас сейчас не интересуют. Мы склонны считать, что дело здесь не только в политике. Следующее поколение — ученики формалистов Б. Бухштаб, Л. Гинзбург и др. — пыталось начать такую работу. И именно записи Л. Гинзбург 20—30-х годов — важнейший источник для анализа неудач этих попыток. И вот ключевой, на наш взгляд, фрагмент этих записей: «Из разговоров с Борей:

— Смолоду мы унаследовали от футуристов (впрочем, как и от основных формалистов. — Л. К.) бессмысленное восприятие стихов. Смысл

для нас результативен; он с легкостью рождается из любого сочетания любых слов; отсутствие же смысла, то есть семантический перерыв, простое непонимание слова, проходит незамеченным.

Занятия Пастернаком поставили Борю перед необходимостью покончить с этой эстетической недостаточностью. Мне еще как-то жалко — хоть и нужно — с ней расстаться».

Трудно поверить, но это записано в 1928 году.

Заметим, что здесь под эстетикой понимается нечто иное, чем то, что имел в виду М.М. Бахтин. И не то, что подвергнуто критике в морально сомнительной книге о формализме, созданной членами его кружка.

Проблема понимания стихов, даже слов в них (в самом примитивном смысле), поставлена не столько Пастернаком (в его стихах слова по большей части понятны), сколько представителями крайних форм авангарда или близкими к младоформалистам обэриутами. Напомним о яркой идее создания младоформалистами и обэриутами совместного сборника стихов, прозы и теоретических работ «Ванна Архимеда». К тому же именно эта компания ввела в обиход так и не понятый и не осмысленный литературоведением термин «бессмыслица». Разговор об этом ждет читателя на страницах этой книги, когда мы будем говорить о реакции обэриутов на смерть Маяковского.

Пришло время сказать, что наше разделение смыслов слов «теория» и «теоретический» восходит к самому Ю.Н. Тынянову, который разделял два типа истории литературы: «...исторические исследования распадаются, по крайней мере, на два главных типа по наблюдательному пункту: исследование генезиса литературных явлений и исследование эволюции литературного ряда, литературной изменчивости».

К тому же Тынянов в рамках своей борьбы с «историей генералов» ставит под сомнение абсолютность так называемых «ценности» и «оценки». Важно, что он вводит этого рода термины и категории в тот же историко-эволюционный контекст, что и саму эволюцию литературных и внелитературных рядов.

И здесь возникает вопрос, важный для любых рассуждений на наши темы. А что произошло за целый XX век в филологической истории литературы, что позволило бы по-новому поставить вопрос о построении теоретической истории литературы (в тыняновском смысле) в терминах и средствами сегодняшнего дня? Даже если говорить о наиболее формализованной отрасли, пограничной и лингвистике, и литературоведению, — стиховедении, то настойчивое стремление Р. Jakobsona, О. Брика, К. Тарановского, М. Гаспарова и других построить семантические или даже историко-семантические теории стиха говорит о том, что сама по себе формализация не вредит ни историзму, ни «точности» в литературоведении.

Между тем и формалисты, и Ю.М. Лотман, неоднократно подчеркивали, что достижения современной лингвистики резко изменили ланд-